

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).081

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-165-176>

ПОБЕГИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. И ИХ ОРГАНИЗАЦИЯ

© А.А. Иванов

Иркутский государственный университет,
664025, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2.

Аннотация. В статье рассматриваются побегии политических ссыльных с территории Иркутской губернии в 1870–1905 гг. На основе обширного документального и историографического материала автор рассматривает причины, а также особенности организации и осуществления индивидуальных и групповых побегов. Причинами большинства побегов были тяжелые материальные условия, невозможность найти постоянный источник заработка, а также стремление значительной части революционеров продолжить оппозиционную деятельность в своих партийных организациях в Европейской России. В 1870–1880 гг. побегии из ссылки были сравнительно редким явлением: беглец был хорошо заметен на Московском тракте. После сооружения Транссибирской железнодорожной магистрали условия для бегущих резко изменились – теперь достаточно было раздобыть себе документы, сесть в поезд и покинуть Сибирский край. Следовательно, число побегов резко увеличилось. В работе анализируются источники финансирования и материальной помощи иркутским ссыльным, совершающим побег, предпринята попытка установить примерное количество бежавших за весь период. В результате исследования сделан вывод о недостаточной изученности данной темы: по-прежнему неизвестно точное число бежавших, не прослежена система организации явочных бюро, не установлена дальнейшая судьба беглецов.

Ключевые слова: *политические ссыльные, Иркутская губерния, побегии, кассы взаимопомощи, колонии ссыльных, Иркутский тюремный замок, полиция, организация помощи бегущим, розыск, жандармы.*

Информация о статье. Дата поступления 28 декабря 2017 г.; дата принятия к печати 2 февраля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Иванов А.А. Побегии политических ссыльных Иркутской губернии в конце XIX – начале XX в. и их организация // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 165–176. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-165-176

ESCAPES OF POLITICAL EXILES OF THE IRKUTSK PROVINCE AT THE END OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY AND THEIR ORGANIZATION

© A.A. Ivanov

Irkutsk state university,
2 Chkalov Str., Irkutsk 664025, Russian Federation

Abstract. In article escapes of political exiles from the territory of the Irkutsk province during 1870–1905 are considered. On the basis of extensive documentary and historiographic data the author considers the reasons as well as features of the organization and certain implementation of individual and group escapes. Severe material conditions, impossibility to find a constant source of earnings and also the aspiration of a considerable part of revolutionaries to continue oppositional activity in the Party organizations in the European Russia were the cause of the majority of escapes. In 1870–1880 escapes from the reference were rather unusual cases: the fugitive was well noticeable on the Moscow path. After a construction of the Trans-Siberian railway line conditions for running sharply changed – now it was enough to get documents, to get on the train and to leave Siberia. Respectively the number of escapes sharply increased. Further sources of financing and financial support to Irkutsk exiles who escape are analyzed in article, an attempt to establish, at least generally, quantity of fugitives for the entire period is made. The

conclusion is drawn on insufficient study of this subject: the exact number fugitives is still unknown, the system of the organization of attendance bureaus, the future of fugitives is not tracked.

Keywords: *political exiled, Irkutsk province, escapes, cash desks of mutual aid, colony of exiled, Irkutsk prison castle, police, organization of assistance to the fugitives, search, gendarmes*

Article info. Received December 28, 2017; accepted for publication February 2, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Ivanov A.A. Escapes of political exiles of the Irkutsk province at the end of XIX – the beginning of the XX century and their organization. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 165–176. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-165-176. (In Russian).

История Иркутска XIX в. прочно связана с политической ссылкой. А.Н. Радищев и декабристы, петрашевцы и ссыльные поляки, народники, социал-демократы и социалисты-революционеры – все они обогатили общественную жизнь иркутян, оказали заметное влияние на оппозиционное движение, способствовали росту их самосознания, гражданственности и политической культуры. Именно ссылка «воспитала» в иркутском обществе потребность в самоуправлении, стремление к независимости от центральной и губернской власти, и в то же время привила чувство ответственности и сопричастности в деле управления громадным краем.

Ссыльная колония стала складываться в Иркутске с 1870-х гг. Усилившееся противостояние общества и самодержавного государства быстро наполняло «места отдаленные», в том числе и в Иркутской губернии. Если в 1860–1870 гг. здесь отбывало наказание 30–60 политических ссыльных (без ссыльных поляков – участников Январского восстания), то в начале 1880-х гг. таких было уже более 80, на рубеже 1890-х гг. – не менее 100, на пороге нового XX в. – 110–120 чел., а в 1903 г., согласно Всеподданнейшего доклада Иркутского военного генерал-губернатора, зафиксировано 414 чел. (ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 157. Л. 22). При этом надо иметь в виду, что часть осужденных или высланных в административном порядке, отбыв формальный срок поселения, по тем или иным причинам оставались в пределах губернии, из года в год пополняя ряды колоний в Иркутске, а также в Тунке, Киренске, Верхоленске, Балаганске.

Не все ссыльные мирились с перспективой многолетнего вынужденного пребывания в пределах Иркутской губернии. Для одних невыносимыми были суровые природно-климатические условия,

другие не могли привыкнуть к жизни в иной культурно-бытовой и языковой среде коренных народов Восточной Сибири, третьи рвались в Европейскую Россию, чтобы в составе нелегальных организаций продолжить борьбу с самодержавным государством. В силу этих причин уже в 1860–1870 гг. в политической ссылке можно отметить такое явление как побеги.

История побегов политических ссыльных из Сибири, в том числе из Иркутской губернии, уже исследовалась в отечественной историографии. Советские историки, рассматривая различные стороны сибирской ссылки, неизменно уделяли внимание и этому важнейшему ее сюжету (Андреев, 1975. С. 191–207; Хазиахметов, 1978; Щербаков, 1984). Однако при этом изучалась в основном ссылка так называемого «пролетарского периода» 1905–1917 гг., а история ссылки конца XIX – начала XX в., и прежде всего история побегов этого времени, оказалась исследована менее глубоко и подробно. Цель данной статьи – восполнить существующий в науке пробел, описать и проанализировать имеющийся фактический материал для установления типичного и особенного в организации и осуществлении побегов на примере политических ссыльных Иркутской губернии с 1870 г. до октября 1905 г.

В истории сибирской политической ссылки, наверное, не было ни одного революционера, не мечтавшего о побеге. Подготовка иных побегов начиналась уже в пути, на этапе, во время ночевки в этапных тюрьмах. Однако осуществить такую «самовольную отлучку» было весьма сложно – политических, даже следующих в общих партиях с уголовниками, как правило, всегда сопровождали жандармские офицеры и унтер-офицеры, имевшие строгое предписание доставить «своих» арестантов

«от ворот до ворот». За «упуск» такого преступника вполне возможно было не только потерять погоны, но и самому попасть под конвоем на каторгу.

Придя на место поселения, ссыльный в одночасье оказывался на «свободе» – ни конвоиров, ни кандалов, ни тюремных смотрителей. Забытое чувство опьяняло, кружило голову, казалось, можно сделать шаг за околицу села и вот она, долгожданная воля. Однако на деле совершить побег с места поселения было также трудно, как из тюремного замка. Здесь все было против ссыльного. Сибирский крестьянин относился к «политикам» без всякого сочувствия при этом не боялся их, как уголовных ссыльных, а потому, уважая местную власть, всегда выдавал полиции. Если же беглецу и удавалось выйти на большой тракт, то здесь было еще хуже: из-за редкого движения он был «на виду» и не мог незаметно пройти или проехать и нескольких десятков верст.

По этим причинам побег с мест поселения были в 1860–1880 гг. весьма редки, единичны. Бегство в одиночку было трудноосуществимым, нужна была организация, которая помогла бы беглецу «выправить» надежный паспорт, купить лошадей, изменить внешность, обустроить отдых по всему маршруту, найти немалые деньги. Вот почему в 1860 гг. из иркутской ссылки пытался бежать только О.А. Мотков, принадлежавший к кружку Ишутина и судившийся Верховным судом за причастность к революционной организации «Ад». Он был приговорен к лишению всех прав состояния и к каторжным работам в крепостях на восемь лет, но по Высочайшей конфирмации срок наказания был сокращен до четырех лет. По дороге в Сибирь Мотков сумел обменяться именами с ссыльнопоселенцем Бачинским и в марте 1867 г. бежал с этапного пункта в Нижнеудинске, но уже 23 апреля был задержан в окрестностях Иркутска (Иванов, Мясников, 2016).

В 1870-х гг. из пределов Иркутской губернии бежали или пытались бежать восемь ссыльных:

– В.К. Дебогорий-Мокриевич, член «киевской коммуны», ходивший «в народ» в 1874 г., на этапе он сделал «сменку» с уголовным Павловым и в ноябре 1879 г. под его именем был поселен в с. Тельминском, откуда через два дня уехал в Ир-

кутск, жил нелегально и в 1880 г. выехал в Европейскую Россию;

– Ф.К. Долинин, в качестве административно-ссыльного был поселен в октябре 1879 г. в Киренске, откуда бежал, но был пойман и выслан в Якутскую область;

– В.И. Зак, в июле 1879 г. скрылся из Иркутска, где работал в аптеке, был задержан в Балаганском округе, затем выслан под надзор в Верхоянск;

– В.О. Избицкий, по дороге в ссылку в октябре 1879 г., обменявшись документами с уголовным Степановым, скрылся недалеко от Иркутска, но пропал без вести в тайге;

– Н.Н. Смецкая, в июне 1879 г. бежала из Тунки, была обнаружена в Балаганском округе и переведена в Якутскую область;

– Е.Д. Субботина, будучи водворена в Тунке, пыталась в январе 1879 г. бежать, добралась до Иркутска, где и была задержана, а затем выслана в Верхоленск с учреждением за ней особого надзора полиции (Иванов, Мясников, 2016).

Как видим, из восьми побегов удачным оказался только один, что может быть объяснимо малочисленностью политических ссыльных (каждый – на виду) и отсутствием у революционеров должной организации по устройству побегов. Не следует забывать и то, что из Сибири в Европейскую Россию можно было попасть только Московским трактом, а железнодорожной магистрали, как известно, еще не существовало. К тому же в этот период каждый побег сибирского ссыльного воспринимался местной и столичной полицией как чрезвычайная ситуация, а наиболее дерзкие побег были предметом обсуждения на самом высоком уровне. Так, на докладе начальника Третьего отделения, содержавшем сведения об участившихся попытках побегов политических ссыльных в Восточной Сибири, сделанном в ноябре 1879 г., Александр II «собственноручно соизволил начертать»: «...весьма неприятно и доказывает, что настоящего надзора и там нет», а прочитав о дерзком побеге В.К. Дебогория-Мокриевича, подписал: «тут, вероятно, было преступное неряшество, если не потворство, с виновных следует сделать строгое взыскание» (ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 445. Л. 50).

Ситуация с побегами анализировалась не только в Департаменте полиции. Руководители «Народной воли» всячески стремились вернуть ссыльных товарищей в свои ряды. Учитывая печальный опыт беглецов 1870-х гг., было принято решение создать строго конспиративную группу, которая бы придала побегам организованный, а главное успешный характер. С этой целью в 1880–1881 гг. из Европейской России, как вспоминал Н.С. Тютчев, «были отправлены в Сибирь известные впоследствии народовольцы Ю.Н. Богданович и И.В. Калюжный. Им при помощи местных сочувствующих, поляков-повстанцев и политических ссыльных удалось наладить “притоны”, явки почти по всему тракту от Иркутска до Москвы. Способствовал организации этого пути и В. Дебогорий-Мокриевич» (Тютчев, 1924. С. 210).

«Красный Крест», так была названа новая структура, просуществовал не долго, как, впрочем, и сама «Народная воля». Однако принципы организации помощи бегущим товарищам были ею выработаны, опробованы и успешно «привиты» на сибирской почве. Это в полной мере касается иркутской колонии, где уже в начале 1880-х гг. были осуществлены два крупных побега, организованных в тесном сотрудничестве с местными политическими ссыльными.

Первый побег состоялся в феврале 1880 г. и не с места поселения, а из Иркутской губернской тюрьмы. Связующим звеном между беглецами и иркутской колонией, по всей видимости, выступил В.К. Дебогорий-Мокриевич. Им была куплена провизия, зимняя одежда, два ружья. «В Иркутск, вспоминал революционер, – я приехал перед самыми рождественскими праздниками [1880], и очень скоро у меня явилась возможность войти в сношения с политическими, сидевшими в иркутском тюремном замке. В это время они задумали совершить побег через подкоп, выведивший из тюрьмы во двор тюремного смотрителя (насколько помнится, в смотрительский погреб); подкоп этот был сделан уголовными арестантами значительно раньше, но почему-то арестанты не воспользовались им и передали свой секрет политическим» (Дебогорий-Мокриевич, 1894. С. 441–442).

Побег планировался сразу для шести «политиков». Не совсем понятно, почему было решено бежать в столь неудобный период (в разгар зимы), однако план, выработанный с участием Дебогория-Мокриевича, был таков: выбраться из тюрьмы через подкоп и кладовую квартиры смотрителя (!), затем, не останавливаясь в городе по льду Ушаковки дойти до Ангары, а там – до устья Иркуты, и, пока не вскрылась река, уйти в Монголию, к границе с Китаем, «пройдя верст около четырех сот». Столь смелому и утопичному плану не суждено было сбыться по причине, которую никто и не мог предусмотреть. Ночью 6 февраля 1880 г. бежали И.Ф. Волошенко, Г. Иванченко, И.И. Тищенко, Н.В. Яцевич, Г.И. Фомичев и Г.А. Попко. Встреченные Дебогорием, они в телеге без труда добрались до Иркуты, затем, нагрузившись провизией, двинулись пешком вверх по реке, а Мокриевич вернулся в город. Все складывалось как нельзя удачно, однако оставшиеся в тюрьме Н.П. Позен и А. Калюжный, видя, что подкоп все еще не обнаружен, также решили воспользоваться им, и бежали в следующую ночь, 7 февраля. Естественно, на этот раз беглецов никто не встречал, однако каким-то образом они все-таки выбрались из города, но были задержаны в окрестном селе – «раньше даже, чем о их побеге узнали в Иркутске» (Дебогорий-Мокриевич, 1894. С. 444).

Немедленно начался усиленный розыск «первой партии» беглецов. Хорошо скоординированные иркутскими жандармами масштабные действия увенчались успехом, и с 9 по 16 февраля все ссыльные были обнаружены и возвращены в тюрьму. Всем участникам побега, а также тем, кто не участвовал, но знал о нем и не сообщил администрации тюрьмы, были значительно увеличены прежние сроки каторжных работ, все они без исключения прошли через Нерчинские тюрьмы (Кантор, 1923. С. 181).

Вторым «громким» побегом опять же из Иркутской губернской тюрьмы следует считать побег С.Н. Богомолец и Е.Н. Ковальской. Женщины принадлежали к «Южно-русскому рабочему союзу», их имена были хорошо известны среди революционеров Петербурга и Киева. Побег состоялся в дневное время 16 февраля 1882 г. Все было задумано

талантливо и просто: Ковальская переделалась надзирательницей, Богомолец сыграла роль ее гостыи – обе были беспрепятственно выпущены из ворот разводящим караульной службы, не знавшим их в лицо. Пропажа двух арестанток открылась только на вечерней поверке.

В Иркутске беглецам была заранее приготовлена «надежная» квартира по 2-й Иерусалимской улице, в доме Т. Бабичева. Здесь они провели больше недели, при этом хозяин умело выдавал женщин за жену и ее сестру. Казалось, побег удался, однако 26 (28) февраля совершавшего очередной обход полицейского пристава Добромыслова что-то насторожило, он вызвал наряд, велел окружить дом и арестовал ссыльных. При аресте был обнаружен также вооруженный браунингом казак П. Лукин, не оказавший, впрочем, никакого сопротивления (Шайдурова, 2006. С. 232).

Следствие по делу С.Н. Богомолец и Е.Н. Ковальской показало, что в подготовку побега был вовлечен значительный круг лиц. Прежде всего, это иркутские ссыльные В. Александрова-Натансон (а, значит, и сам М.А. Натансон), Е.Н. Южакова и Е.Д. Субботина, собиравшие денежные средства и готовившие одежду. Казак П.М. Лукин оказался на деле мещанином П.М. Федоровым, занимавшимся когда-то организацией кружков среди рабочих Курско-Харьковской железной дороги, высланным без суда и, по его словам, прибывшим «в Сибирь специально для оказания помощи в побегах политическим ссыльным». Кроме этого по делу общества «Красный Крест» «Народной Воли» еще в декабре 1881 г. был арестован и заключен в тюрьму политический ссыльный, врач Б. Пласковицкий, занимавший должность младшего врача Кузнецовской больницы (Колмаков, 2003. С. 80).

В октябре 1882 г. по подозрению в организации побега Ковальской и Богомолец был арестован воспитатель мужской гимназии К.Г. Неустроев. Его обвиняли в создании нелегального кружка учащейся молодежи для помощи политическим ссыльным и арестантам, в снабжении беглецов одеждой и деньгами. Заключенного в тюрьму Неустроева 26 октября 1883 г. посетил генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин. Неустроев пытался ударить Анучина, за что 5 ноября

1883 г. был предан Иркутскому военно-полевому суду, приговорен к смертной казни и расстрелян 9 ноября 1883 г. во дворе тюремного замка (Алексеев, Барышников, Боханов, 2002. С. 219).

В конце 1880-х гг. количество побегов из Восточной Сибири заметно увеличилось. На «самовольные отлучки» стали устанавливаться настоящие очереди. При этом далеко не всякому ссыльному оказывали поддержку, в колониях производился строгий отбор кандидатов на побег, сообразно их полезности для революционного дела, а также с учетом времени, проведенного в ссылке. Прежние заслуги, личные связи и отношения, понятно, не принимались в расчет, что порождало немало обид и конфликтных ситуаций. Вот, к примеру, побег В.Л. Бурцева. Будущий знаменитый разоблачитель Азефа отбывал ссылку в с. Малышевском близ Балаганска с декабря 1887 г. Уже месяца через два-три после водворения Бурцев решил бежать и под видом нуждающегося в медицинской помощи, добился отлучки в Иркутск. Иркутские ссыльные, как вспоминал Бурцев, направили его к М.А. Натансону, тот обещал приготовить паспорт: «записал приметы, дал советы разного рода насчет побега и просил ни к кому больше не обращаться, а ждать, когда он пришлет все, что нужно». Через два месяца пустых ожиданий В.Л. Бурцев понял, что «Натансон просто напросто и не имел в виду устраивать побега», потому что Бурцев «по своим взглядам был не подходящий для него человек...» (Бурцев, 1923. С. 37). Однако Бурцев все-таки бежал. Он обратился за «помощью к местным товарищам» т. е. к балаганцам. «На медном пятаке выгравировали печать, достали какой-то неважный бланк и приготовили паспорт. Первые 80 верст ссыльный ехал проселочной дорогой, затем, на большой почтовой дороге, на станции, кажется, Черемухове, взял подорожную и под видом только что кончившего гимназию в гимназическом костюме ехал некоторое время с каким-то попутчиком-купцом» до Красноярска, Томска, а там и дальше в Россию, Одессу и за границу (Бурцев, 1923. С. 38).

По воспоминаниям Н.С. Тютчева, в Иркутске в конце 1880-х гг. беглецы уже могли рассчитывать на постоянную помощь и поддержку. Здесь (и да-

лее в Красноярске) они получали «деньги, паспорта и казенные подорожные, могли изменить свою внешность и костюмы». В Иркутске, к примеру, ссыльные «скрывались в оранжерее, которую содержал 70-летний старик-повстанец, нанимая их к себе якобы на работу». Благодаря хорошей организации, в эти годы бежало еще несколько человек. Кроме В.Л. Бурцева, Н.С. Тютчев называет М. Сабунаева, Н. Паули, Н. Пахитонову, А.И. Бычкова, Кашинцева и Федорова. По его мнению, «среди коренных сибиряков в период “Народной Воли” встречалось немало сочувствующих революционному делу людей, готовых с риском для себя активно помогать политическим ссыльным» (Тютчев, 1925. С. 71).

Необычный побег из иркутской ссылки в этот период совершил М.Л. Войнич (будущий супруг той самой Л. Буль, автора романа «Овод»). Согласно статейному списку, Войнич прибыл в Иркутск 28 ноября 1887 г. и был водворен в селении Тункинском. В конце января 1889 г. он «случайно выстрелом из револьвера прострелили себе грудь» и «покорнейше» просил начальника Иркутской губернии отправить его «по возможности скорее в Иркутскую больницу», так как «условия для лечения в Тунке крайне не благоприятны». Подлечившись в Иркутске, Войнич написал новое прошение, в котором, в силу «причин психического и нравственного характера», попросил перевести его «на собственный счет в г. Балаганск». Получив искомое разрешение, он выбыл 22 июня 1890 г. из Иркутска, проехал мимо пункта назначения и 7 августа был замечен на почтовой станции с. Кимельтейского, а дальше – «не отыскан и, по-видимому, выехал в пределы Европейской России» – так было сказано в рапорте окружного пристава (ГАИО. Ф. 32. Оп. ОЦ. Д. 225. Л. 5, 8, 38, 47, 93).

Устройством побегов политических ссыльных занимались не только ссыльные народники 1880–1890-х гг., но и пришедшие им на смену социал-демократы. В качестве примера хорошей постановки этого дела можно привести организацию побега Л.Д. Бронштейна. При этом надо учитывать, что в этот период коренным образом изменились условия «самовольного» оставления Сибири. Великая железная дорога действительно приблизила

сибирскую окраину к России, и помимо большого промышленного и социального значения для огромного региона, существенно облегчила побег революционерам. Так, отлучившись с места поселения в Верхоленске 21 августа 1902 г., Троцкий приехал в Иркутск, прибыл на вокзал, сел в поезд, куда местные социал-демократы предусмотрительно «доставили чемодан с крахмальным бельем, галстуком и прочими атрибутами цивилизации» и, читая томик бессмертных творений Гомера, отправился в Самару. Сам побег показался беглецу делом почти обыденным, лишенным столь привлекательной для него революционной романтики (Иванов, 2000. С. 233).

Плохо подготовленные побег заканчивались, как правило, неудачно, например, «самовольная отлучка» И.В. Джугашвили. В апреле 1902 г. он был арестован на собрании батумских социал-демократов, какое-то время содержался в тюремном замке и затем был выслан в Восточную Сибирь. Свой этапный путь будущий «вождь народов» начал в июле 1903 г., а прибыл на место причисления в д. Новая Уда Балаганского уезда 17 ноября 1903 г. Квартиру снял в беднейшей части деревни и, по словам хозяйки, много читал, а больше всего любил наблюдать за «простыми» крестьянами, вникать в их жизнь и чаяния. Уже в декабре 1903 г. Сталин предпринял побег из ссылки. Он покинул деревню и добрался до Балаганска, однако дальнейшему продвижению помешали холода. С обмороженными носом и ушами беглец возвратился в Новую Уду, и повторно бежал в январе 1904 г., пробыв в ссылке менее 2-х мес. (ГАИО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 30. Л. 7, 14).

Иногда побег раскрывались уже на стадии планирования. Так было, к примеру, с П.И. Войнаральским, шедшим в этапной партии на Карийскую каторгу. Согласно ведомственной переписке, 8 декабря 1881 г. чинами полиции было замечено, что «следовавшая на почтовых лошадях за партией государственных преступников» дочь статского советника А. Дмоховская попыталась «принять на Бирюсинском этапе от брата своего, ссылокаторжного Л. Дмоховского, записку, заключающую в себе просьбу государственного преступника Войнаральского достать ему паспорт и дать средст-

ва к побегу». Понятно, что наблюдение за «политиками» было усилено и побег не состоялся (ГАИО. Ф. 32. Оп. ОЦ. Д. 83. Л. 26 об.).

В истории иркутской колонии политических ссыльных этого периода были случаи и талантливо выполненных побегов. Как правило, участники таких «самовольных отлучек» все свои расчеты строили с учетом «недостатков» тюремного содержания или гласного надзора, не отличавшегося в Сибири, как известно, совершенством. Сюда же добавлялось хорошее знание психологии людей, от которых приходилось бежать: недалекие смотрители, конвоиры и часовые. В качестве примера подобных побегов, «простых» до нелепости и гениальных одновременно, смотря с какой «стороны» оценивать, можно привести побег Я.В. Махайского. Побег произошел 10 июня 1903 г. из Александровской пересыльной тюрьмы – это несколько больших деревянных барачных, огороженных высоким забором, где подолгу содержались ссыльные, ожидавшие отправки в Забайкалье и в Якутскую область. В пересылке существовало правило, согласно которому ссыльные, назначенные в этапную партию, могли накануне пойти на сельский рынок и купить продовольствие в дорогу для себя или для всей партии. Вот и в этот день трое «политиков» П. Бронштейн, И. Махайский и Б. Миткевич под присмотром К. Колесова пошли на базар, а по дороге уговорили надзирателя зайти «на минуту» «к квартировавшему на Бородиной улице в доме Карлина административно-ссыльному Хавскому», страдавшему туберкулезом легких, а потому жившему не в тюрьме, а в селе на съемной квартире. Как следует из объяснения начальника тюрьмы И.Г. Попрядухина, «войдя в квартиру Хавского, Миткевич и Махайский прошли во вторую комнату, где лежал больной Хавский, а Бронштейн остался в первой комнате с его женою, где пригласили сестру и надзирателя Колесова у выходных дверей квартиры. Минут через пять, Колесов, желая поторопить политических, отпущенных на один час, намеревался пройти во вторую комнату, но жена Хавского и Бронштейн не пустили его туда под предлогом возможности обеспокоить больного и просили обождать еще несколько минут; по прошествии некоторого времени Колесов

силой ворвался в комнату, но нашел там только Хавского, притворившегося спящим, а Махайский и Миткевич бежали через окно, выходящее во двор». Растерявшийся надзиратель Колесов поспешил отвести Бронштейна в тюрьму, а тот по дороге «умышленно замедлял возвращение», поэтому администрация узнала о побеге арестантов «спустя более получаса» и, несмотря на то, что по всем направлениям были разосланы конные надзиратели, бежавшие не были разысканы. При этом «никто из обывателей не видел, в какую сторону они бежали». Обыски в селе, по домам и разъезды по окрестностям при помощи полиции продолжались в течение трех суток, но результатов так и не дали (ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 232. Л. 20–21 об.).

В январе 1905 г. произошел самый массовый побег политических ссыльных этого периода, и опять же из Александровской пересыльной тюрьмы. По донесению начальника Иркутского жандармского полицейского управления, «побег был правильно организован и совершен при помощи подкопа из барака № 5». Политические арестанты выпилили в полу половицы, затем вырыли уступами колодец «глубиной до 3-х аршин», от которого уже повели подземную галерею «в 1 аршин ширины и 3/4 вышины». Длина галерей составила «около 40 сажень»¹. Рыли галерею, естественно, вручную, а землей заполняли свободное пространство под полами. В ночь с 16 на 17 января 1905 г. 15 политических ссыльных воспользовались этим ходом, бежали, удачно разместились на ожидавших их подводах, переоделись, но были вскоре задержаны крестьянским ночным караулом и опознаны служителями тюрьмы. При этом был арестован и один из организаторов побега – И.И. Серебренников «22 лет, вооруженный револьвером» (ГАИО. Ф. 600. Оп. ОЦ. Д. 13. Л. 35)².

¹ Одна сажень – 2,16 м, соответственно, 40 сажень – 86,4 м – можно представить, какой титанический труд проделали политические арестанты. One sazhen – 2.16 m, respectively, 40 sazhen – 86.4 m – you can imagine what a titanic work done by political prisoners.

² Иван Иннокентьевич Серебренников – этнограф, статистик, областник, историк Сибири, автор известных воспоминаний «Красные» дни в Иркутске.

Причинами многочисленных побегов из ссылки были, прежде всего, тяжелое бытовое и материальное положение, гнетущее моральное состояние человека, оказавшегося на многие годы лишенным привычной социальной и культурной среды, а также стремление вернуться к революционной работе. В историографии нет точных сведений о количестве бежавших в этот период, но чтобы показать размах этого явления, приведем данные из доклада министра внутренних дел статс-секретаря В.К. Плеве государю, сделанному в ноябре 1903 г.: «... в 1902 году и в первой половине 1903 года скрылись: из Иркутской губернии 22, из Енисейской губернии 32 и из Якутской области 15 поднадзорных». Даже о. Сахалин признавался «крайне легким» для побегов в виду «постоянно плавающих вблизи острова японских рыбацких лодок» (ГАИО. Ф. 25 Оп. ОЦ. Д. 4. Л. 5). По нашему мнению, в 1870–1905 гг. из иркутской ссылки бежало не менее 100–150 чел.

Местное оппозиционное движение всегда с успехом пользовалось потенциалом политической ссылки. Вот, например, как об этом пишет Н.Н. Баранский, один из руководителей и организаторов Сибирского социал-демократического союза: «Основной директивой в сношениях со ссылкой, директивой, соблюдавшейся неуклонно по всей линии и обратившейся в традицию, была борьба с «демобилизационными» настроениями, иногда довольно сильно сказывавшимися среди ссылных. Каждого дельного работника мы сами тянули из ссылки, насколько, конечно, нам позволяли наши средства, причем не забывали, признаться, и интересов собственной организации: обыкновенно за устройство побега предлагалось отработать хоть два-три месяца у нас в Сибири. Эта «отработочная» система не только пополняла наши силы, но, при нашей пространственной оторванности, была и весьма важной формой связи с общерусским движением» (Баранский, 1923. С. 23).

Организация и осуществление побегов из далекого Иркутска (почти 5 500 верст по железной дороге до Санкт-Петербурга) – дело не только

сложное, но и весьма затратное. Откуда политические ссылные брали средства? Одним из источников необходимых накоплений была нелегальная касса взаимопомощи.

Как известно, революционеры, попавшие в ссылку на основании судебного приговора («сопсланные по суду») не получали казенного пособия и существовали на месте поселения исключительно за свой счет. Административно-ссылным же, не лишенным прав и привилегий, полагалось пособие. В Иркутске и Иркутском окружном полицейском округе в рассматриваемый период оно составляло 114 руб. в год или 9,5 руб. в мес. В данную сумму входили также «одежные и обувные» деньги, при этом надо учитывать, что пособие назначалось не в момент прибытия ссылного в город, а лишь после утверждения генерал-губернатором соответствующего представления Иркутского губернского правления, которое, в свою очередь, следовало после проверки материального благосостояния ссылного в местах его прежнего проживания (ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 8. Л. 21 об.). Одним словом, со дня поступления такого ссылного в Иркутскую губернию до выдачи ему пособия, проходило несколько месяцев, в которые он необычайно сильно нуждался в средствах. Для того чтобы помочь таким товарищам, в каждой крупной колонии и существовала нелегальная касса взаимопомощи. Была такая касса и в Иркутске. О ней упоминают В.Е. Мандельберг, И.И. Попов и другие народники. Касса пополнялась добровольными пожертвованиями и взносами, собираемыми, в основном, среди самих ссылных. Документально известно, например, что М.А. Натансон, имея в конторе по строительству ледокола «Байкал» весьма приличное жалованье в 1 800–3 500 руб. годовых, «при готовой квартире с отоплением и освещением», вел «скромный образ жизни», и постоянно делал «из своего заработка материальную поддержку политическим ссылным» (ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 184. Л. 1).

Из этой же кассы оказывалась помощь ссылным, проходящим дальше через Иркутск. «В громадном большинстве случаев, – вспоминал Мандельберг, – люди шли не только без средств, но и без одежды, белья, обуви и шли так на крайний

Ivan Innokentevich Serebrennikov – ethnographer, statistician, regional historian, historian of Siberia, author of well-known memoirs “Red” days in Irkutsk.

Север, в Якутскую область. Мы снабжали их шубами, валенками, теплым бельем, провизией». Отсюда же шло финансирование возвращающимся в Европейскую Россию. «Членами кассы были все ссыльные Иркутска. Обложили себя прогрессивным процентом с доходов, сообща устраивали различные предприятия (вечеринки, балы, лотереи); касса наша не столько помогала нуждающимся в Иркутске (на это шла самая незначительная часть доходов), сколько проходящим в ссылку, бегущим, возвращающимся...» (Мандельберг, 1910. С. 23–33).

Иркутская касса взаимопомощи, по всей видимости, существовала весьма продолжительный период времени, по крайней мере, с середины 1880-х гг. до начала 1906 г. Несмотря на столь длительный срок и привлечение к делу большого количества людей, ссыльным удавалось избегать провала и неизменно сохранять свою кассу от «недремлющего ока» жандармов.

Не будет преувеличением сказать, что вокруг ее организации, а также регулярного пополнения и группировалось наиболее активное ядро иркутских «политиков». Не случайно в 1902 г. кассой взаимопомощи заведовал Н.С. Тютчев, весьма деятельный народник, участник коллективного побега политических ссыльных из Баргузина в 1881 г. (Брешко-Брешковская, Линева, Тютчев, Шамарин) (Горев, 1924. С. 47).

Значение кассы для иркутских ссыльных хорошо передает свидетельство Н.М. Астырева, писавшего 5 февраля 1888 г. В.Г. Короленко из Иркутска: «Здесьняя кучка отверженных живет очень дружно между собой; откинув скромность в сторону, могу сказать, что я был принят этой кучкой очень хорошо, – так что я единственный между ними, только понаслышке знающий о тех ужасах, которые они сами перенесли, или которым они были свидетелями. ... А теперь я свидетелем, как эти люди, урывая сладкий кусок у себя., обменивают его на простой хлеб для тех, кои в нем нуждаются, в буквальном смысле этого слова. Жертвы, которыми они себя обложили, достойны удивления...» (Куклина, 1987. С. 98).

Касса существовала не только за счет взносов самих ссыльных. Активную помощь оказывали ме-

стные комитеты социал-демократов и эсеров. Часть собранных партийных взносов, к примеру, неизменно отдавалась ссыльным. Так, из кассового отчета Иркутского комитета Российской социал-демократической рабочей партии за апрель 1905 г. следует, что на поддержку ссыльных-романовцев было израсходовано в этот месяц 358 руб., на «побег» – 24 руб., «агитацию» – 235 руб. 30 коп., «в тюрьму» передано 30 руб. За август «Отправлено в иркутскую тюрьму: деньгами – 15, съестными припасами – 24,55, одежды – 1, извозчики – 1, почтовые марки – 0,35, сапоги – 5, жене заключенного – 3». За сентябрь «в Александровскую тюрьму – 40, Акатуйскую – 50, возвращающимся из ссылки – 66,80, куплено платья – 36,70, ... побег – 50» и т. д. (Революционное движение в Иркутской губернии, 1955. С. 60–61, 74–77).

Важным источником пополнения кассы (и, конечно, не только иркутской) была помощь из-за рубежа. Ее организаторами стали русские революционеры-эмигранты. Например, в Цюрихе действовал Комитет Сибирской кассы, направлявший денежные средства П.Л. Лаврову, ведавшему сбором и распределением денег для политических узников. О размерах помощи можно судить по отчетам Петербургского отдела Общества вспомоществования политическим ссыльным и заключенным, а также его центральной заграничной кассы. За 10 лет (с 1881 г. по 1891 г.) Петербургским отделом было собрано 21 860 руб. 94 коп. Особенно активную деятельность разворачивали эмигранты после трагических событий в колониях сибирских ссыльных. Например, 24 декабря 1889 г. Ф. Дембо писала Лаврову из Берна: «У нас устроилась подписка в пользу пострадавших в последней Якутской истории. Собрано 72 франка, которые Вам и отсылаю. В Цюрихе тоже идет подписка и с той же целью...» При этом помощь шла не только из Европы, но и из Америки. Так, эмигрант Л.Б. Гольденберг писал Лаврову: «Русско-Американская Лига по получению известия об Иркутске в 3 недели собрала 233 долл. – 450 руб., которые отправлены были в Якутск, и мы имеем уже известие об их благополучном прибытии» (Вахрушев, Андреев, 1973. С. 49–50).

Как следует из приведенного материала, из иркутской ссылки бежали в конце XIX – начале XX в. наиболее активные члены народнического и социалистического движения Центральной России. Причинами побегов являлась нужда, тяжелые бытовые и климатические условия, а также стремление вернуться к активной революционной работе. Число побегов со временем возрастало, их пик приходится на 1902–1903 гг., чему в немалой степени способствовало строительство железной дороги, а также общее оживление революционного движения. Побег происходил с этапного следования, тюремного заключения, с мест поселения. Можно предположить, что здесь преобладали побег ссыльнопоселенцев, а не каторжан. Организация побегов складывалась постепенно, начи-

мая с 1880-х гг. Бежавшие использовали связи «Красного Креста» «Народной воли», а также возможности местных комитетов социалистических партий. Организация побегов требовала значительных финансовых и материальных ресурсов, которые черпались из иркутской кассы взаимопомощи, пополнявшейся, в свою очередь, местными комитетами и эмигрантскими центрами. История побегов политических ссыльных из Иркутской губернии в конце XIX – начале XX в. требует дальнейшего исследования: необходимо установить общую численность бежавших, маршруты их движения из Сибири, характер и проблемы взаимодействия с местными комитетами социал-демократов и эсеров.

Библиографический список

Алексеев С.М., Барышников В.В., Боханов П.П. [и др.]. Иркутск в панораме веков: Очерки истории города / отв. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 2002. 512 с.

Андреев В.М. Распространение марксистской литературы и нелегальная деятельность ссыльных революционеров-народников // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.): сб. ст. / под ред. Л.М. Горюшкина, М.М. Громыко. Новосибирск: Наука, 1975. С. 191–207.

Баранский Н. В рядах Сибирского социал-демократического союза: воспоминания о подпольной работе 1897–1908 гг. Новониколаевск: Сибирское областное государственное издательство, 1923. 89 с.

Бурцев В.Н. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания (1882–1922 гг.). Т. 1. Берлин: «Гамаюн», 1923. 381 с.

Вахрушев И.С., Андреев В.М. Корреспонденты П.А. Лаврова о Сибирской ссылке // Ссылки революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): сб. науч. ст. / под ред. Н.Н. Щербакова. Иркутск: Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова, 1973. Вып. 1. С. 45–52.

Горев Б.И. Из партийного прошлого. Воспоминания. 1895–1905. Ленинград: Государственное издательство, 1924. 89 с.

Дебогорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. Париж: Imprimerie J. Allemane, 1894. 567 с.

References

Alekseev S.M., Baryshnikov V.V., Bokhanov P.P. *Irkutsk v panorame vekov: Ocherki istorii goroda* [Irkutsk in the panorama of centuries: Essays on the history of the city]. Irkutsk: Vostochno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2002, 512 p. (In Russian).

Andreev V.M. The dissemination of Marxist literature and the illegal activities of the exiled peasant revolutionaries. *Ssylka i katorga v sibirii (XVIII – nachalo XX v.)* [Reference and penal servitude in Siberia (XVIII – early XX century)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1975, pp. 191–207. (In Russian).

Baranskii N. *V ryadakh Sibirskogo sotsial-demokraticheskogo soyuza: vospominaniya o podpol'noi rabote 1897–1908 gg.* [In the ranks of the Siberian Social-Democratic Union: memories of the underground work of 1897–1908]. Novonikolaevsk: Sibirskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1923, 89 p. (In Russian).

Burtsev V.N. *Bor'ba za svobodnuyu Rossiyu. Moi vospominaniya (1882–1922 gg.)* [The struggle for free Russia. My memories (1882–1922)]. In Vol. 1. Berlin: "Gama-yun" Publ., 1923, 381 p. (In Russian).

Vakhrushev I.S., Andreev V.M. Correspondents of P.A. Lavrov on the Siberian exile. *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibirii (XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Exiled revolutionaries in Siberia (XIX century – February 1917)]. Irkutsk: Irkutsk State University named after A.A. Zhdanov Publ., 1973, iss. 1, pp. 45–52. (In Russian).

Gorev B.I. *Iz partiinogo proshlogo. Vospominaniya. 1895–1905* [From the Party past. Memories. 1895–1905]. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1924, 89 p. (In Russian).

Debogorii-Mokrievich V.K. *Vospominaniya* [Memories]. Paris: Imprimerie J. Allemane Publ., 1894, 567 p. (In Russian).

Иванов А.А. Лев Бронштейн в сибирской ссылке // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: «Оттиск», 2000. Вып. 1 (13). С. 200–244.

Иванов А.А., Мясников Д.А. Структура и численность политической ссылки Иркутской губернии 1870-х годов [Электронный ресурс] // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 4. <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=20854>. Дата обращения: 20.12.2017.

Кантор Р.М. Побег из Иркутской тюрьмы // Каторга и ссылка, 1923. № 5. С. 181–184.

Колмаков Ю.П. Иркутская летопись 1661–1941 гг. Иркутск: «Оттиск», 2003. 848 с.

Куклина Е.А. Н.М. Астырев и В.Г. Короленко // Сибирские страницы жизни и творчества В.Г. Короленко: сб. ст. / отв. ред. Е.А. Куклина. Новосибирск: Наука, 1987. С. 85–107.

Мандельберг В. Из пережитого. Давос: «За рубежом», 1910. 145 с.

Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции // Историография, критика, библиография. Рецензии. История СССР: сб. документальных материалов / под ред. Ф.А. Кудрявцева. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1955. 156 с.

Тютчев Н.С. Побег из Сибири политических в 90-х гг. // Каторга и ссылка. 1924. № 2 (9). С. 206–216.

Тютчев Н.С. В ссылке и другие воспоминания. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1925. 207 с.

Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг.: Облик, организации, революционные связи. Томск: Томский государственный университет, 1978. 183 с.

Шайдурова Г.А. Побег как одна из форм борьбы политических арестантов с режимом содержания в Иркутской тюрьме (из истории нескольких побегов) // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Н. Щербакова. Иркутск: «Оттиск», 2006. Вып. 3 (15). С. 230–239.

Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917). Иркутск: Иркутский государственный университет, 1984. 244 с.

Ivanov A.A. Lev Bronstein in the Siberian exile. *Sibirskaya ssylka* [Siberian exile]. Irkutsk: “Ottisk” Publ., 2000, iss. 1 (13), pp. 200–244. (In Russian).

Ivanov A.A., Myasnikov D.A. *Struktura i chislennost' politicheskoi ssylki Irkutskoi gubernii 1870-kh godov* [The structure and strength of the political exile of the Irkutsk province of the 1870s]. Baikal Research Journal, 2016, vol. 7, no. 4. Available at: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=20854> (accessed December 20, 2017).

Kantor R.M. Escape from the Irkutsk prison. *Katorga i ssylka* [Katorga and exile], 1923, no. 5, pp. 181–184. (In Russian).

Kolmakov Yu.P. *Irkutskaya letopis' 1661–1941 gg.* [Irkutsk chronicle 1661–1941]. Irkutsk: “Ottisk” Publ., 2003, 848 p. (In Russian).

Kuklina E.A. N.M. Astyrev and V.G. Korolenko. *Sibirskie stranitsy zhizni i tvorchestva V.G. Korolenko* [Siberian pages of life and creativity V.G. Korolenko]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987, pp. 85–107. (In Russian).

Mandel'berg V. *Iz perezhitogo* [From the experience]. Davos: “Za rubezhom” Publ., 1910, 145 p. (In Russian).

Kudryavtsev F.A. Revolutionary movement in Irkutsk province in the period of the First Russian Revolution. *Istoriografiya, kritika, bibliografiya. Retsenzii. Istoriya Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [Historiography, criticism, bibliography. Reviews. History of the USSR]. Irkutsk: Irkutskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1955, 156 p. (In Russian).

Tyutchev N.S. Escape of political exiles from Siberia in the 90's. *Katorga i ssylka* [Katorga and exile], 1924, no. 2 (9), pp. 206–216. (In Russian).

Tyutchev N.S. *V ssylke i drugie vospominaniya* [In exile and other memories]. Moscow: Izdatel'stvo vsesoyuznogo obshchestva politicheskikh katorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1925, 207 p. (In Russian).

Khaziakhmetov E.Sh. *Sibirskaya politicheskaya ssylka 1905–1917 gg.: Oblik, organizatsii, re-volyutsionnye svyazi* [Siberian political exile 1905–1917: Form, organization, revolutionary ties]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1978, 183 p. (In Russian).

Shaidurova G.A. Escapes as one of the forms of struggle of political prisoners with the regime of detention in the Irkutsk prison (from the history of several escapes). *Sibirskaya ssylka* [Siberian exile]. Irkutsk: “Ottisk” Publ., 2006, iss. 3 (15), pp. 230–239. (In Russian).

Shcherbakov N.N. *Vliyanie ssyl'nykh proletarskikh revolyutsionerov na kul'turnuyu zhizn' Sibiri (1907–1917)* [The influence of exiled proletarian revolutionaries on the cultural life of Siberia (1907–1917)]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1984, 244 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Иванов Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, кафедра политологии, истории и регионоведения,

Information about the author

Alexander A. Ivanov, Doctor of Sciences (History), professor, department of political science, history and regional studies,

Иркутский государственный университет,
664025, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2,
e-mail: ottisk@irmail.ru

Irkutsk state university,
2 Chkalov Str., Irkutsk 664025, Russian Federation,
e-mail: ottisk@irmail.ru

Критерии авторства

Иванов А.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет ответственность за плагиат.

Attribution criteria

Ivanov A.A. has performed research, on the basis of the received results has carried out generalization, has prepared the manuscript for printing, has copyright of article and bears responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.